

Оседлавшая белоснежный фаянс унитаза в позе орлицы на гнезде, Люба старательно пыхла и кряхтела, выдавливая из своего организма субстанцию отнюдь на орлиные яйца не похожую ни цветом, ни консистенцией. Одета только в старенькую, застиранную и мятую футболку, задранную сейчас на талию, девушка завершала сакраментальный вечерний обряд дефекации, когда в совмещенный санузел вихрем ворвался маленький худощавый паренек, росточком, пожалуй, пониже самой блондинки, да и в плечах пожиже, вылитый подросток лет шестнадцати. Взъерошенный, как воробей, и с глазами бешеной селедки правой рукой он зажимал маленькое, сморщенное достоинство, уже выпущенное в готовности из-под резинки заношенных спортивных штанов.

— Ух, ты! Когда только успела! — с нарочитым отчаянием воскликнул паренек, увидев занимающую унитаз Любу, и, молниеносно встав на цыпочки, отвернулся к раковине, на которую при желании девушка могла легко облокотиться.

Слишком компактно, если не сказать — тесно, было расположено все сантехническое оборудование в маленьком чистеньком и уютном помещении. Иногда в этом была какая-то своя, особая прелесть, но иной раз — и неудобства.

— Не ссы в раковину, Чак! — прикрикнула строго Люба. — В ванну давай, если уж засиделся, что совсем невтерпеж...

Парень послушно повернулся в сторону сияющей ослепительной белизной ванны и с облегчением выдохнул: «Уф!!!», пуская туда желтую бурную струю. «Кайф!»

Девушка, озоруя, чуть сдернула пониже его штаны, оголяя худую, бледную задницу без единого волоска. Хотела было шлепнуть играючи или, протянув подальше руку, прихватить за мошонку облегчающегося Чака, но передумала. Как бы он от неожиданности не обернулся к ней всем телом, а к такому половому изощрению, как «золотой дождь», Люба была сейчас не готова.

Приподнявшись, она подтерла задницу, а потом провела чистым листком туалетной бумаги по щелке. Следов крови не было. Ну, еще бы, четвертый день. На ночь можно и тампон не ставить! Кончились одни мучения, но, кажется, приближаются следующие.

В первый же вечер после ухода от Феди и Васи блондинке повезло наткнуться во вполне приличном и довольно дорогом баре на разношерстную компанию то ли хипстеров, то ли программистов, то ли просто бездельников от Интернета в возрасте от восемнадцати до сорока. Среди них и крутился вылитый мальчишка-подросток, которого все звали Малыш Чак. Или проще — по одному их этих имен. Понаблюдав немного совершенно не интересующимися ни пивом, котороекисло на их столиках, ни женским полом вокруг себя непонятными мальчишками и мужчинами, Люба как-то сразу выбрала для своих меркантильных целей именно этого пацана, оказавшегося, впрочем, не просто совершеннолетним и дееспособным, но и постарше её самой годами. Чаку уже исполнилось в этом году двадцать четыре.

Блондинка самым бесцеремонным и нахальным образом вытянула его из компании и незамысловатыми уговорами буквально заставила, похоже, мало что соображающего парня отвести её к себе домой. Наверное, никогда никто из знакомых Чаку женщин так агрессивно и нахраписто себя не вел. По счастью для блондинки, жил он один, пусть и в однокомнатной, но

просторной и современной квартире, заставленной, кроме стандартной модной мебели, еще и кучей полуразобранных системных блоков, больших и маленьких мониторов, стареньких ноутбуков и еще какой-то технической аппаратурой, названия которой Люба просто не могла знать.

В тот удачный вечер, после ужина — не роскошного, конечно, но более, чем приемлемого после холостяцких пельменей и любимой, но надоевшей уже пиццы — и формального повторного знакомства девушка получила от обалдевшего от её настойчивости и чисто женских по логике аргументов Чака искреннее, пусть и запутанное на словах разрешение пожить вместе с ним недельку-другую. Тогда она решила, что наступает время чисто женской благодарности. Отлучившись на минутку, а затем выйдя из туалета, Люба громко и искренне пожаловалась на якобы внезапное наступление месячных. Ну, типа, прямо в этот час секунда в секунду. На её притворные переживания по этому поводу Чак, продолжающий сидеть у кухонного стола, просто махнул рукой: «Подумаешь, катастрофа какая... У тебя, кажется, такое регулярно случаться должно». Приняв его слова за приглашение к действию, блондинка присела перед пареньком на корточки, сноровисто освобождая его член от оков домашних брюк и просторных «боксерок». «Зачем?» — только и успел спросить Чак, как Люба приступила к священнодействию. С помощью умелых пальчиков, губ и язычка пенис хозяина довольно быстро налился силой и оказался вполне себе приемлемых средних размеров. И вот тут девушку поджидало неожиданное фиаско. Стоило ей буквально на несколько секунд отвлечься, глотнуть сока из оставленного на кухонном столе стакана, как смачная толстенькая сарделечка превратилась в уныло свисающую кожаную тряпочку. И так повторилось трижды, пока и сама Люба не плюнула на собственные труды, и Чак не пояснил, равнодушно и деловито: «Это всегда так. Я тебе говорить не стал сразу, ведь никто не верит, пока не убедится. Врач один мне сказал, что я — асексуал. Ну, не надо мне трахаться — и все. Пока руками или, там, языком — все в порядке, а через секунду я забываю об этом. Хоть голая тут при мне ходи, хоть одетая...»

Сперва Люба, как и все знакомые паренька, не поверила. «Этого не может быть потому, что этого не может быть никогда!» — с юным максимализмом подумала она и погуляла, знакомясь с квартиркой поближе, и в самом деле голышом со свисающей из щелки ниточкой тампакса. Потом — в соблазнительном алом платье и туфельках, которые на всякий случай таскала с собой в большом пакете вместе с разной бытовой мелочевкой. Чак не реагировал. То есть, нет, он, конечно, реагировал, поглядывал на нее сначала искоса, а потом и совсем уж откровенно, как на экспонат в музее или модель на подиуме. Даже потискал по её настоянию за грудь. Но в штанах у него было ледяное спокойствие, как в центре Антарктиды. Люба даже немного расстроилась, но потом Чак, как мог, успокоил девушку. «Вот сказал бы с самого начала, еще в баре, все равно бы поехала проверить. Зато теперь убедилась, — с каким-то даже спортивным азартом пояснил он. — Ты мне просто понравилась своим напором и какой-то лихой бесцеремонностью. Ну, и еще тем, что деваться тебе некуда. Это я тоже понял еще по дороге. Мне без секса прекрасно живется. Но, знаешь, как-то одиноко. Даже просто поговорить, кроме компов, не с кем. А друзья, ну, та компания в баре... они... все как бы там, даже когда здесь бывают. У каждого своя жизнь. Вот я и подумал — почему бы нет? Вдруг останешься хотя бы на ночь, а может, и больше?»

Так они и проговорили почти полночи. Ни о чем и обо всем, старательно избегая рассказов о прошлом. Люба, по договоренности, взяла на себя кухню и немного порядка в комнате, не

касаясь техники и стола Чака. Он предоставил девушке половинку своего широкого ложа и хотя бы временное спокойствие на душе. «Захочешь трахаться, как твои женские дела пройдут, скажи, — серьезно посоветовал он. — У меня хоть и не получается, но можешь с моими друзьями... Сама выберешь с кем... Только со стороны никого звать не надо, очень прошу. Я со случайными посторонними людьми очень плохо схожусь. Вот ты только — прямо какое-то исключение из всех правил в моей жизни. И еще — уходить из дома «погулять» я не буду. Всегда хотел живую порнуху посмотреть». И паренек нервно захихикал. А блондинка успокоилась окончательно.

... Чак стряхнул с конца последнюю каплю и, заправляясь, обернулся к Любе:

— Сегодня Босс обещал заглянуть, можешь с ним потрахаться, если хочешь? У тебя же, кажись, уже всё...

При всей внешней, часто нарочитой неуклюжести и рассеянности, парень был очень наблюдательным и умел подмечать многое из того, на что его сверстники просто не обращали внимания. Отсутствие ниточки тампакса он заметил молниеносно.

— Смой за собой! — строгим, учительским голосом потребовала блондинка, указывая на желтые следы в ванне. — А Босс — это кто?

— Ну, он был вчера, такой... большой...

— Фу, — припомнила Люба одного из многочисленных вчерашних гостей. — Он жирный и потом воняет...

В принципе, до ожидаемого в конце недели интимного свидания с Ингой девушка была вовсе не против попользоваться живым членом. И раз уж с Чаком ничего пока не выходит, и он сам не против, то почему бы не использовать кого-то из его знакомых-приятелей, вечерами, как поняла Люба, вечно толпящихся в квартире, периодически то приходящих, то уходящих. Вот только не первого попавшегося, а такого, кто был бы симпатичен самой блондинке, да внешне хотя бы чуток привлекательным. К сожалению, именно таких парней в компании Чака было очень немного.

— За то у него хер большой, он сам хвастался, — хмыкнул парень, послушно смывая душем следы в ванне.

— У кого реально большой не хвастаются, — глубокомысленно сказала с видом знатока Люба.

— Они свое дело делают, а не рассказывают всякие байки друзьям.

— Да мне как-то все равно, — пожал плечами Чак, подвешивая на свое место душевую лейку.

— Это тебе интересно, наверное...

Уже дважды за прошедшее короткое время после их знакомства спящая рядом блондинка среди ночи, во сне, начинала бесцеремонно тискать его мужской орган. Проснувшийся парень убеждался, что девушка делает это непроизвольно, даже не открывая глаз, и снова засыпал, уже повернувшись к Любе спиной и для маломальской защиты зажав между собственных ног ладони.

— Мне большие не нравятся, отрастят болт и считают, что это главное в жизни, и женщине больше ничего не надо, — раскритиковала обладателей больших пенисов мужчин блондинка.

— Вот твой размерчик был бы в самый раз...

— Пробовали ведь уже, — вздохнул как-то горестно Чак.

— Ну, можно и еще разок попробовать, — предложила Люба. — Я тут кое-что вспомнила...

— Пошли лучше в комнату, — позвал парень. — Нашли тоже место об интиме говорить.

— В интимном месте как раз об интиме и говорят, — от души захохотала блондинка.

В комнате девушка деловито, как на врачебном осмотре, обошла, разглядывая со всех сторон, Чака и спросила:

— Ну, ты решился?

— На что?

— На попробовать.

— А что нужно-то? Ты чего-то необычное придумала? — нарочито равнодушно поинтересовался парень, видимо, заранее уверенный в собственной неудаче.

— Раздевайся, — скомандовала Люба и принялась активно помогать Чаку. — Теперь давай-ка лезь на кровать и становись раком.

— Эй, зачем? — дернулся было парень.

Но блондинка уже шарила в своей сумочке, выискивая баночку вазелина.

— Все увидишь, — пообещала она. — И даже почувствуешь.

Кажется, Чак воспринял её действия, как простое вечернее развлечение, тем более, через полчаса должен был подойти Босс, и растягивать свои эксперименты надолго Любе не светило совсем.

А она встала рядом, опершись на колено и положив левую руку на мужскую ягодицу, подцепила указательным пальцем смазку и аккуратно, но без раздумий, одним движением ввела его в задний проход парня. Тот вздрогнул, передернул от неожиданности плечами, но мужественно промолчал. Подумаешь — тонкий женский пальчик! Тем более, что ухоженные ногти блондинки были достаточно короткими и никакой опасности для внутренних органов не представляли.

Люба медленно вращала пальцем внутри прямой кишки, пытаясь нащупать под ней некое утолщение, о котором столько слышала, но ни разу не пробовала найти в мужском организме. И кажется, ей это удалось. Чак совсем по-женски выгнул спинку от непонятого нарастающего удовольствия, подался навстречу рукам блондинки. А та подушечкой пальца принялась настойчиво гладить заветное место.

И тут же на интимную ласку или необычную обстановку, а может, на все сразу, отреагировал член, возбужденно наливая кровью и твердея.

— Черт! Это как? — искренне удивился Чак, глянув вниз, под себя.

— Вот так!

Люба еще пару раз нажала на железу, а потом, вытащив масляный палец, вдруг ловко и шустро скользнула под парня, притянула его к себе, заставляя лечь на женское тело, и ввела в вагину совершенно нормальный излюбленного размерчика член.

— Ну, давай же, Чак! — чуть не крикнула блондинка, закидывая ноги ему на поясницу. — Трахни же меня живо!

Она даже не вспомнила, что не подмылась после работы, что не задрала под горлышко футболку, чтобы ощущать грудью мужское тело, что и Чак вряд ли к её приходу специально принимал душ... Всё захлестнула жаркая волна похотливого желания.

Ошеломленный собственной проснувшейся сексуальностью и продолжающим твердо стоять членом, парень активно заработал тазом, казалось, даже не замечая, как пальчик Любы вновь очутился в его заднем проходе, взбадривая предстательную железу. И уже через пяток минут таких интенсивных упражнений по верхней части бедер девушки пробежала приятнейшая судорожная волна, окончившаяся спазмом влагалищных мышц и легким подергиванием пресса. После месячных, да еще и вынужденного короткого воздержания заведенная

блондинка кончила легко и сладко. Десяток секунд спустя, Чак изо всех сил прижался лобком к телу уже чуть обмякшей Любы и принялся спускать накопившееся семя. Девушка даже немного сомлела от такого количества и напора струй спермы, бьющих по стенкам влагалища. И немного пришла в себя только через пару минут.

Чак неподвижно лежал на блондинке, уткнувшись подбородком в женское плечо и поджав ладони под её попку. «Хорошо, что он такой мелкий, — подумала Люба. — Почти и не чувствуется тяжесть...» Но все-таки тихонько толкнула парня в бок, спихивая с себя. Он послушно опрокинулся на спину и тут же повернул голову к партнерше, глядя на блондинку каким-то сияющим изнутри взглядом.

— Славно спустил? — улыбнулась она. — Когда вот так — изо всех сил, по желанию — всегда сладко получается. Я тоже кончила по кайфу.

— Люба, а я точно тебя... ну, трахнул? — будто боясь поверить в происходящее, переспросил зачем-то Чак.

— Точнее некуда, — засмеялась девушка.

Раскинув пошире согнутые в коленях ножки, она продемонстрировала мутновато-жемчужную каплю, сползающую из не закрывшейся пока дырочки на измятую простыню.

— Мало доказательств? Глянь на себя...

Вялый пенис Чака кое-где был покрыт слабенькими, едва заметными красноватыми разводами.

— Это я еще мажусь маленько, — деловито пояснила Люба. — Хорошо, что ты не брезгуешь. В этот момент домофон издал мелодичный звук. отвлекся и повернул голову на звук шагов. Челюсть у него отвисла, слюни потекли вниз стремительным потоком. Похоже, хвастливого обладателя большого члена женщины демонстрацией своего тела не часто баловали.

— Это... того... — только и смог произнести невнятно толстяк.

— Люба, ты, что ли, вернулась? — не отрываясь от процесса, рассеянно поинтересовался хозяин дома.

— А кто же еще? — удивилась в ответ девушка, не обращая внимания на жадный, нахально щупающий груди и бедра взгляд Босса. — Чак, твой приятель никогда голых женщин не видел?

— Почему ты так решила? — оглянулся, наконец, и осчастливленный полчаса назад парень.

— А, так ты голая. Тебя, конечно, не видел. Или я что-то не знаю, а, Босс?

Он несильно ткнул приятеля в бок острым кулачком. Толстяк, будто очнувшись от длительной спячки, встряхнул коротко стриженной головой и невнятно промямлил в ответ:

— Нет, ну, просто, как-то... неожиданно это.

— Ты же знал, что я у Чака живу, — пожалала плечами Люба, даже не подумав одеться, и присела на измятую кровать. — А дома хожу, как мне нравится. Ну, и Чаку тоже. Да, милый? Не ожидавший такого подвоха парень даже слегка покраснел сперва, но потом взял себя в руки, откашлялся и все равно хриловато произнес деревянным голосом:

— Конечно, дорогая.

Вышло это настолько неестественно, наигранно и — не к месту, что блондинка не сдержалась и захохотала, откинувшись назад, выставив на всеобщее обозрение юные соблазнительные грудки. Теперь краснеть уже начал толстячок. И гораздо интенсивнее хозяина. И тут его безжалостно добила Люба.

— Понимаешь, Боссик, — нарочито сладким, умильным голоском произнесла она. — Мы с Чаком только что так славно потрахались, что я даже забыла с собой в ванную взять халатик... Толстячок подпрыгнул на жалобно загудевшем под ним стуле, схватился рукой за щеку, потом за затылок, в итоге отвернулся через силу от голой блондинки и сказал неуверенно: — Слышь, я может потом еще зайду, ладно? А сейчас уже пора...

Куда и зачем ему пора, Босс не смог бы сказать и самому себе. Сейчас его обуревало единственное страстное желание: побыстрее выскочить за дверь и прямо на лестнице, в уголку, подрочить свой якобы длинный член и спустить на подъездную стену струи просящейся наружу молофьи.

... — Ты думаешь, у меня теперь всегда так будет? — встревожено спросил, укладываясь спать, Чак. — Ну, чтобы с пальчиком в заднице.

— И откуда я могу знать? — пожала плечами Люба. — Я ж не доктор по задницам. Просто мысль дурная в голову пришла, вот я и попробовала.

— А если так, то, может, я, как бы сказать, ну, голубой? — все никак не мог успокоиться парень. — Гей какой-нибудь латентный.

— Какой же ты гей, если тебе мальчики не нравятся? — резонно возразила блондинка, поудобнее устраиваясь на своей подушке.

— Мальчики не нравятся, — твердо заверил собеседницу Чак и вновь засомневался: — Но и девочки до сегодняшнего вечера тоже не нравились.

— А сегодня понравилось?

— Еще бы!

— Ну, значит, завтра повторим, и все сразу видно будет, — резюмировала Люба. — Ты же не против повторить?

— Только «за»!!! — оживился паренек.

— Тогда спи давай. Мне с утра через полгорода на работу тащиться. Это ты тут на дому чего-то шаманишь, а мы — люди простые...

Как это ни странно, спала в этот раз Люба крепко, без сновидений и шаловливые свои ручонки к гениталиям Чака не тянула. Во всяком случае, он ничего подобного не заметил. Впрочем, и хозяин дома в эту ночь спал, как убитый.

... перед самым обедом, встретив Любу в коротком коридорчике между кабинетом мужа и служебным туалетом, Инга сильно прижала ее к стене и, тиская молодую грудь через сизый привычный пуловер, поинтересовалась со странными интонациями в голосе:

— Похоже, у тебя все наладилось дома? С утра сияла, как хорошо проебанная сучка.

— Наладилось, — кивнула блондинка, едва не растекаясь по стене от жадных прикосновений любовницы. — И было такое дело, потрахалась вчера в кайф.

О том, что она сменила двух ревниво дебильных работяг из провинции на одного московского хипстера, Люба жене начальника не стала рассказывать. Сперва, чтобы не сглазить удачу, а потом решила, что все эти её личные дела — и неурядицы, и успехи — отношений с брюнеткой не касаются.

— Надеюсь, на наших субботних планах это никак не скажется?

Инга еще сильнее сдавила грудь юной любовницы. «Ага, да ты, кажись, ревнуешь!» — подумала с легкой ехидцей Люба, но ответила, чуть играясь, нарочито невинным голоском:

— Конечно же, нет.